

Данильченко Алексей Васильевич,
декан факультета маркетинга, менеджмента и предпринимательства
Белорусского национального технического университета,
доктор экономических наук, профессор
(г. Минск, Республика Беларусь)

Семак Елена Адольфовна,
доцент кафедры международных экономических отношений
Белорусского государственного университета,
кандидат экономических наук
(г. Минск, Республика Беларусь)

Якушенко Ксения Валентиновна,
доцент кафедры международных экономических отношений
Белорусского государственного университета,
кандидат экономических наук, доцент
(г. Минск, Республика Беларусь)

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЯ С РЕГИОНАЛЬНЫМИ ИНТЕГРАЦИОННЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ

На современном этапе КНР является активным участником интеграционных процессов в азиатско-тихоокеанском регионе. В силу особенностей географического положения Китай придает особое значение этому региону, что выражается в стремлении государства к интеграции в региональную экономику. Особое значение в этом плане придается региональным объединениям.

В настоящий момент Китай является весомым членом форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Этот форум по праву считается флагманом региональных экономических процессов, а направление практики АТЭС считается синонимом интеграции в регионе.

Директор Центра по изучению АТЭС Института Азиатско-тихоокеанских исследований Академии общественных наук КНР Чэн Юнлин характеризует политику Китая в отношении АТЭС как наступательную. Другие исследователи считают, что меньше всего ее можно назвать пассивной и квалифицируют ее как активно ориентированную. Один из исследователей тихоокеанских интеграционных процессов П. Драйздел отмечает, что АТЭС занимал центральное место в воззрениях китайского руководства на реформы, экономическое развитие, интеграцию в региональную и международную экономику, региональную безопасность со времен вступления в эту организацию. В связи с этим КНР активно взаимодействует с АТЭС [1, с. 6]. Так, Китай был представлен на многочисленных

мероприятиях по линии АТЭС. Со времени вступления в АТЭС КНР провела более 66 мероприятий в качестве ее члена. Характерна динамика роста участия в мероприятиях АТЭС, в среднем по 8 встреч в год с 1991 г., что представляется значительным числом по любым меркам [2, с. 40].

Китайское руководство понимает, что несмотря на формально консультативный статус, АТЭС проводит разработку региональных правил и норм ведения торговли, инвестиционной и финансовой деятельности, что по сути ведет к созданию материального фундамента нового политического порядка в регионе. КНР считает, что активная политика в отношении интеграционных процессов приносит плоды, способствует открытию рынков сбыта для китайских товаров, получению новых источников иностранного капитала и новых технологий.

Китайское руководство стремится последовательно проводить вышеназванный курс. Пекин приветствовал принятие на Манильском саммите АТЭС в 1996 г. Декларации о рамочных принципах технико-экономического сотрудничества. На последующей встрече в 1997 г. в Ванкуверскую декларацию было включено предложение представителя КНР Цзян Цзэминя о разработке в рамках АТЭС повестки дня научного и промышленно-технологического сотрудничества, обращенного в XXI в. На этой же встрече Китай объявил о создании у себя на существующей базе высоких технологий четырех технопарков и экологического центра в Пекине в качестве реального вклада в развитие научно-технических обменов [3, с. 309].

Глубинные корни изменения КНР в отношении интеграционных процессов в регионе, обращения к проблеме экономического развития следует искать в особенностях нового этапа экономического и социального развития страны. Китайские политики не могли не принять во внимание общих тенденций торгово-экономического развития в регионе. В условиях роста внутрорегиональной торговли в азиатско-тихоокеанском регионе, сохранение автаркического курса грозило бы КНР оказаться на обочине экономической жизни региона.

Решающим внутривнутриполитическим фактором, повлиявшим на внешнеэкономическую политику КНР, было утверждение политики открытости в качестве основы долгосрочной политики развития отношений КНР с внешним миром. Таким образом, китайские эксперты рассматривали страны в региональных интеграционных процессах под углом выполнения задач модернизации и дальнейшего развития взаимовыгодных связей с внешним миром, которые послужили источником высоких технологий и залогом укрепления позиций Китая в регионе и мире.

Сделав акцент на вопросах экономического и научно-технического сотрудничества программы либерализации торговли и инвестиций в зоне АТЭС, видя в этом немалую для себя выгоду, в Бюне поддерживается идея либерализации торговли и инвестиций в долгосрочном плане. Китай подписался под равноскоростным планом ликвидации торговых и инвестиционных барьеров к 2020 г. — для развивающихся стран [5, с. 209].

Помимо всего прочего, Китай рассматривал участие в либерализационных

процессах в АТЭС в качестве своего рода трамплина к вхождению в ВТО, рассматривая на поддержку стран АТЭС.

Участие КНР в АТЭС многими экспертами сегодня рассматривается не только как усиление региональной и глобальной экономической роли республики, но и как некий внутренний вызов для самого Китая. Одновременное углубление формата АТЭС до крайности обостряет «традиционные» геополитические и торгово-экономические противоречия Китая с США, Японией и их союзниками – партнерами по проекту.

Принципиально важным для определения дальнейшей судьбы АТЭС явился Шанхайский саммит 2001 г. На нем было принято приложение к Декларации глав государств и правительств, которое определило перспективы и практический план дальнейшего развития Форума с учетом реальностей новой экономики. В документах встречи получили отражение и были закреплены важные компоненты линии КНР в АТЭС. Так, в них уделяется внимание активности в рамках ЭКОТЕК, в частности, путем принятия Индивидуальных планов действий, какие применяются в отношении либерализации торговли и инвестиций, необходимости равного доступа к плодам экономики знаний, наращивания людского потенциала и так далее. Кроме того, 20 октября 2001 г. в Шанхае успешно прошла 9-я неформальная встреча руководителей организации, на ней был принят ряд важных документов, таких как Декларация экономических лидеров АТЭС, Шанхайское соглашение и Стратегия «Электронного АТЭС». Это оказало значительное содействие развитию двусторонних отношений между Китаем и соответствующими членами организации.

В целом, в китайской политике в отношении к АТЭС достаточно определенно выражено прагматическое начало в сочетании с умелым отстаиванием своих интересов и принципов. Участие в Форуме рассматривается в качестве получения осязаемых экономических выгод: получение объемной информации и стабилизации положения экономики в регионе, обретение каналов воздействия на разработку правил, норм движения торговых, инвестиционных потоков, обмена технологиями и содействие продвижению собственной продукции на рынки стран АТР. Также считается, что участие в АТЭС сыграло позитивную роль во вступлении КНР в ВТО.

При принятии Болонской декларации Китаю удалось отстоять принцип независимых преференций развитых стран развивающимся, постановки вопроса об усилении притока финансовых ресурсов, новых технологий и инвестиций. Был провозглашен принцип невмешательства в отношении определения путей строительства национальных экономик развивающихся стран, достижения экономической стабильности в регионе путем выравнивания уровней развития стран АТЭС [4, с. 416].

На современном этапе китайское правительство своевременно скорректировало макроэкономическую политику и решительно реализовало пакет мер по расширению внутреннего спроса и содействию экономическому росту, активно сотрудничая с мировым сообществом, включая региональную организацию АТЭС.

Другим важным для Китая региональным объединением является АСЕАН. Официальные отношения между КНР и АСЕАН были установлены в 1991 г. и с того времени неизменно развивались. В 1994 г. Китай принял участие в региональном форуме АСЕАН, на котором получил статус «консультативного партнера», а в 1996 г. стал полноправным «партнером по диалогу».

АСЕАН, со своей стороны, приложила все усилия к тому, чтобы создать в ЮВА экономические и политические условия, способствующие взаимовыгодному и плодотворному межрегиональному сотрудничеству с Китаем.

В 90-е гг. складывается благоприятная ситуация для активизации связей между КНР и странами АСЕАН. Конструктивная региональная политика КНР, ее помощь странам ЮВА, когда в самый критический момент Китай не допустил девальвацию юаня, поддержка стран АСЕАН по многим вопросам на различных уровнях и международных форумах вызывали положительный отклик в регионе. Признание странами АСЕАН важности вовлечения КНР в дела региона и благоприятная реакция на это стали мощными факторами, которые позволили создать крепкую основу для развития отношений между сторонами.

Китай и АСЕАН осуществляют сотрудничество в 11 приоритетных областях, а именно: в сельском хозяйстве, информационно-коммуникационных технологиях, в развитии человеческих ресурсов, инвестициях, в проектах развития бассейна Меконга, в развитии транспорта, в энергетике, культуре, туризме, здравоохранении и экологии.

Китай оказал большую поддержку странам АСЕАН в реализации генерального плана развития транспортной и коммуникационной связи, принятого лидерами стран АСЕАН в 2012 г. В АСЕАН считают эту проблему на данный момент самой главной в стратегическом партнерстве с Китаем. В КНР создана специальная рабочая группа по проектам инфраструктурного строительства, которая работает в тесном контакте с координационным комитетом АСЕАН по этой же проблеме. Стороны провели встречу 28 августа в Брунее, а 2 сентября 2013 г. в Наньнине прошло специальное совещание министров транспорта стран АСЕАН и Китая. Таким образом, поддерживается постоянная связь и совместно рассматриваются все ключевые проекты. Особый интерес для АСЕАН, естественно, имеют кредиты, предоставляемые созданным в КНР Банком инфраструктурного строительства [6].

С 2012 г. успешно осуществляется программа научно-технического партнерства, которая включает десяток совместных исследовательских лабораторий. Активно работает Центр передачи технологий АСЕАН–Китай, создана сеть «мозговых центров» АСЕАН–Китай, организуются взаимные поездки отобранных групп талантливой молодежи (в предстоящие пять лет Китай обязался предоставить 15 тыс. правительственных стипендий для студентов из стран АСЕАН). Также Китай уже стал вторым главным источником туристов для стран АСЕАН. В 2012 г. они приняли 8,76 млн туристов из Китая, а там побывало 5,9 млн туристов из стран АСЕАН [7].

В начале октября 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин нанес визит

в Индонезию, Таиланд и Малайзию, обойдя стороной своих главных оппонентов – Вьетнам и Филиппины. Выступая 3 октября в парламенте Индонезии (это было первое выступление иностранного лидера в индонезийском парламенте), он предложил странам АСЕАН заключить договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Цель состояла в том, чтобы укрепить мирные отношения с АСЕАН и снять накопившиеся в этих странах подозрения относительно КНР. Он встретился с президентом Индонезии и премьер-министром Малайзии и договорился о повышении статуса двусторонних отношений с этими странами до «всеобъемлющего стратегического партнерства», а это обычно включает сотрудничество в области обороны и безопасности. Стороны договорились значительно увеличить объемы торговли между ними.

На состоявшемся 9 октября в Брунее XVI саммите Китай–АСЕАН премьер Госсовета КНР Ли Кэцян выдвинул развернутый план из 7 пунктов, определяющих широкие рамки сотрудничества на следующее десятилетие. Он повторил высказанное Председателем КНР предложение обсудить возможность подписания договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между КНР и странами АСЕАН, который создал бы правовые и институционные гарантии стратегического партнерства Китай–АСЕАН. При этом, правда, возник вопрос о том, как он должен соотноситься с уже действующим Договором о дружбе и сотрудничестве (ТАС) 1976 г., который является главной правовой основой АСЕАН и подписан КНР и 22 другими партнерами по диалогу. Будет ли этот договор таким же открытым для других стран или речь идет о создании замкнутой региональной группировки вокруг Китая? Не случайно вопрос этот был передан на изучение экспертам, а Индонезия тут же предложила заключить другой Договор о дружбе и сотрудничестве с участием стран АСЕАН, Китая и других государств Индийского и Тихого океанов.

Все остальные пункты плана Ли Кэцяна были охотно поддержаны лидерами АСЕАН. Предлагалось, в частности, усилить сотрудничество в сфере противодействия «нетрадиционным угрозам», т.е. терроризму, пиратству, трансграничной преступности и др. В своем выступлении на следующий день, 10 октября 2013 г., на VIII Восточноазиатском саммите (ВАС) он продвигал, по его выражению, «новую концепцию безопасности», которая должна быть «всеобъемлющей, общей и основанной на сотрудничестве и прямом диалоге». Он же вместе с султаном Брунея стал соавтором инициативы России о начале консультаций по выработке рамочных принципов безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе, которая была принята всеми участниками ВАС.

Китай активно поддерживает сотрудничество по вопросам «нетрадиционных угроз». Он участвует в работе совещаний министров обороны АСЕАН и их партнеров по диалогу (ADMM+) по борьбе с трансграничной преступностью, торговлей наркотиками, по вопросам гуманитарной помощи и ликвидации последствий стихийных бедствий, а также в учениях военных медиков, которые проходили в июне 2013 г. На саммите в Брунее все участники приветствовали

инициативу КНР установить горячие линии связи для предотвращения инцидентов на море и для организации поисково-спасательных работ. Недостатки в этом деле особенно сказались на поисках пропавшего в марте 2014 г. малазийского самолета и привели даже к осложнению отношений Китая с Малайзией.

Китай предложил также начать переговоры о новой версии договора о ЗСТ Китай–АСЕАН (CAFTA) с полной либерализацией торговли и инвестиций. Одновременно предлагалось ускорить создание транспортной инфраструктуры, усилить страховку от региональных и международных финансовых кризисов путем увеличения объемов и масштабов двусторонних валютных свопов и организации трансграничной торговли на основе национальных валют [1, с. 7].

Особое внимание привлекло предложение КНР начать строительство морского Шелкового пути. Китай выделил 3 млрд юаней (613 млн долл. США) в Фонд морского сотрудничества Китай – АСЕАН в целях поддержки экономики морских коммуникаций, защиты экологии моря, поддержки морских исследований и операций по поиску и спасению на море. Позднее (17 января 2014 г.) Председатель КНР Си Цзиньпин и министр иностранных дел Ван И, принимая делегацию руководителей Совета по сотрудничеству стран залива (GCC), пояснили, что Китай хочет работать вместе с арабскими странами над созданием нового Шелкового пути, который протянется экономическим поясом через Азию и Европу. Проект включает также морской Шелковый путь, связывающий Тихий, Индийский и Атлантический океаны, которые должны, по словам китайских руководителей, встретиться где-то в районе Ближнего Востока. Страны GCC приветствовали эту грандиозную инициативу Китая, а некоторые уже заявили, что примут в ней активное участие.

И в заключительном 7-м пункте плана Ли Кэцзяна речь шла об усилении культурного и научно-технического сотрудничества. Он предложил объявить 2014 г. Годом культурных обменов Китай–АСЕАН. В предстоящее десятилетие КНР намерена направить в страны АСЕАН 100 тыс. своих граждан и столько же принять у себя – по 1 тыс. ежегодно из всех 10 стран АСЕАН [1, с. 7].

В 2013 г. наметился большой прогресс в переговорах о создании Регионального всеобъемлющего экономического партнерства (RCEP), которое было решено создать на ноябрьском саммите в Пномпене в 2012 г. Оно создается на базе формата АСЕАН +3 с последующим подключением Индии, Австралии и Новой Зеландии и должно объединить воедино все действующие ЗСТ в формате АСЕАН + 1. В отличие от Транстихоокеанского партнерства (TPP), продвигаемого США, инициированный Китаем гигантский торговый блок строится на признании центральной роли АСЕАН и не содержит некоторых трудно выполнимых условий для развивающихся экономик АСЕАН.

Таким образом, анализ сотрудничества Китая и АСЕАН свидетельствует о его масштабах, насыщенности, глубине и практической значимости большой работы многочисленных ведомств, государственных и частных корпораций, научных и культурных учреждений Китая и его партнеров по АСЕАН.

В настоящее время КНР занимает первое место среди торговых партнеров

АСЕАН. В 2017 г. стороны намерены увеличить объем товарооборота до 500 млрд долл., а к 2020 г. – до 1 трлн долл. [1, с. 7].

Концептуально не вызывает возражений, что эффективная экономическая интеграция Китая и АСЕАН может обеспечивать ускорение темпов взаимной торговли и их экономического роста, повышения международной конкурентоспособности их товаров, фирм и национальных экономик, рост взаимного инновационного потенциала, увеличения притока иностранных инвестиций и в Китай, и в страны АСЕАН. Вместе с тем понятно, что из-за больших экономических и социокультурных различий между этими государствами споры неизбежны. В этой связи очень важно учитывать: сможет ли китайский руководитель убедить АСЕАН не воспринимать его страну как источник экономической угрозы и способствовать дальнейшему более тесному и продуктивному торгово-экономическому развитию как Китая, так и региона в целом.

Также достаточно важным представляется продвижение комплексной инициативы сопряжения ЕАЭС и проекта «Один пояс – один путь». Страны в Сопряжении можно считать не конкурентами, а сильными партнерами: ЕАЭС предлагает институциональную поддержку проекта, Китай – инвестиционные возможности для развития проектов Сопряжения. На этом фоне белорусско-китайские отношения становятся более тесными. В настоящий момент рассматривается вопрос о заключении с Китаем непреференциального Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, которое, не предполагая глубокой либерализации торговли, позволило бы выйти на качественно новый уровень отношений. На основании работы, проведенной ЕЭК с министерствами и ведомствами государств-членов ЕАЭС в 2015 г., а также учитывая в целом повестку продвижения комплексной инициативы сопряжения ЕАЭС и проекта «Один пояс – один путь», транспортно-логистическая сфера признается одной из приоритетных направлений сотрудничества.

Данное Соглашение могло бы включать следующие основные направления взаимодействия в транспортно-логистической сфере:

- создание транзитного коридора «Западный Китай – Западная Европа», включая согласование вопросов таможенного регулирования, создание и финансирование транспортной инфраструктуры на территории государств-членов Союза, доступ к рынку перевозок и смежным услугам;

- программа «Дорожные карты и ключевые договоренности в рамках Соглашения». Так, в 2016 г. Министром экономики Республики Беларусь В.И. Зиневским и председателем Государственного комитета по делам развития и реформ Китайской Народной Республики Сюем Сяоши был подписан «Комплекс мер по продвижению строительства концепции «Один пояс – один путь» между правительствами Республики Беларусь и Китайской Народной Республики. Данный комплекс мер охватывает и перспективы сотрудничества в транспортно-логистической сфере. Такое сотрудничество подразумевает создание Дорожной карты, как важного рамочного документа, направляющего деловое сотрудничество двух стран [8]. Это означает, что отношения между двумя странами в рамках

данной стратегии вышли на новый этап, в рамках которого логистика является мостом и связующим звеном в международной логистической деятельности, она играет ключевую роль для Беларуси, Китая, Восточной Европы и, возможно, для всех стран, примыкающих к поясу Великого шелкового пути;

- возможность реализации модели облачного складирования в Беларуси, а именно – развитие площадки для складской логистики третьих лиц в Беларуси в условиях стратегии «Один пояс – один путь».

- формирование институциональной основы сотрудничества на регулярной основе между ЕАЭС и КНР.

Необходимо отметить, что сотрудничество ЕАЭС с КНР в данном направлении дает для Беларуси ряд преимуществ, а именно:

- способствование устойчивому развитию железных дорог на поясе Великого шелкового пути, развитию логистической отрасли в Беларуси;

- возможность предоставления технической и инвестиционной поддержки Беларуси благодаря опыту развития логистики третьих лиц в Китае;

- создание подобной платформы будет стимулировать модернизацию логистической отрасли Беларуси и выведению ее на новый уровень;

- широкие возможности для развития строительства инфраструктуры, создания комплекса информационных технологий и повышения уровня услуг в сфере поставок;

- предоставление льготных и коммерческих кредитов. Так, Белорусская железная дорога и Экспортно-импортный банк Китая подписали уже три 12–15-летних кредитных соглашения для комплексного развития Белорусской железной дороги на сумму более 175 млн долл. США с целью финансирования проектов «Обновление подвижного состава Белорусской железной дороги», «Электрoфикация направления Молодечно–Гудогай–госграница» [9, с. 322].

Таким образом, в политике КНР региональные экономические объединения занимают особенное место. Стабильное развитие экономики КНР невозможно без активного сотрудничества со странами азиатско-тихоокеанского региона. Более того, решение многих региональных проблем и обеспечение региональной безопасности, что может также отразиться на экономической обстановке, подразумевает развитие сотрудничества между странами ЮВА. Для Китая азиатско-тихоокеанский регион служит не только рынком сбыта собственных товаров, он также может быть источником новых технологий и инвестиций. Возможность осуществления такого взаимодействия предоставляют региональные экономические объединения.

Также существуют разные причины повышения интереса Китая к ЕАЭС в целом, и Беларуси, в частности. Помимо установившихся дружественных отношений между двумя странами, а также получения прибыли в транспортно-логистической сфере, Китай имеет возможность получить в лице Беларуси важного партнера, так как Беларусь находится на перекрестке Восточной и Западной Ев-

ропы, а также является частью большой группировки ЕАЭС. В свою очередь Беларусь видит в Китае важного стратегического партнера в Азии, через которого планирует выход на рынки стран АСЕАН.

Список использованных источников

1. Аргунова, В.В. Современное состояние и перспективы интеграции КНР с АСЕАН / В.В. Аргунова // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. – 2015. – № 12. – С. 6–9.
2. Кочконян, А.А. Роль внешнеэкономической политики: признаки, элементы, методы / А.А. Кочконян // Современные аспекты глобализации экономических наук Сборник статей Международной научно-практической конференции / отв. ред.: А.А. Сукиасян. – М., 2015. – С. 39–43.
3. Лузянин, С.Г. Внешняя политики Китая: от регионального к глобальному/ С.Г. Лузянин. – М.: Форум, 2012. – 341 с.
4. Хребина, С.В. Стратегии внешней политики Китая и ее развитие в XXI веке / С.В. Хребина, Е.В.Галкина // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 4. – С. 415–419.
5. China's oil companies exit Syria on war concern [Электронный ресурс]. Bloomberg [Электронный ресурс]. – 2017 – Режим доступа: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2016-08-29/china-s-oil-companies-exit-syria-on-war-concern-xinhua-says>. – Дата доступа: 15.02.2017.
6. East-West Highway [Электронный ресурс]. Roadtraffic-technology. [Электронный ресурс]. – 2017 – Режим доступа: <http://www.roadtraffic-technology.com/projects/eastwesthighway/>. – Дата доступа: 15.02.2017.
7. The ASEAN Declaration (Bangkok Declaration) // The ASEAN official web site. [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <http://www.aseansec.org/1212.htm>. – Дата доступа: 15.11.2016.
8. 我国与白俄罗斯签署共同推进“一带一路”建设的措施清单. – Режим доступа: http://finance.ifeng.com/a/20160930/14915706_0.shtml. – Дата доступа: 20.01.2017.
9. Семак, Е.А. Развитие торгово-экономических отношений Республики Беларусь и КНР / Е.А. Семак // Форум аналитического центра экономического сотрудничества КНР и ЕАЭС: мат-лы форума. – 14–15 июня 2016. – Харбин: Хэйлунцзянская Академия общественных наук, 2016. – С. 266.